

Религиоведение. 2019. № 3
Religiovedenie [Study of Religion]. 2019. No. 3

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.28-34

Ярков А.П.

*Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
ayarkov@rambler.ru*

Особенности исламской религии на территории Горного Алтая

Аннотация. Статья посвящена вопросу о месте ислама в пространстве Горного Алтая. Мусульмане бывали на этой территории издавна в составе караванов, шедших из Средней Азии или Поволжья. Но алтайские племена их религия не заинтересовала, поскольку сильны были архаичные верования. К тому же там находились манихейские монастыри, представлявшие мощное религиозное направление.

Вхождение этой территории в «зону ислама» связано как с политическими изменениями континентального свойства – исчезновением Джунгарского ханства, противостоянием Китая и России, так и судьбой номадов – алтайцев и казахов. Последние (кто, прикочевав на эти земли, стал считать её «Ата журт») как раз и являлись носителями ислама, но с «оттенком» прежнего архаичного мировоззрения. К тому же часть казахов приняла православие, сохранив родной язык и культуру. Автор считает: спустя столетия эти особенности оказались и мощным потенциалом противодействия радикализму.

Ключевые слова: Горный Алтай и «горный ислам», казахи-кочевники, государственная политика

Alexander P. Yarkov

*Tyumen State University
6 Volodorskogo str., Tyumen, Russia, 625003
ayarkov@rambler.ru*

Features of Islamic Religion on the Territory of the Altai Mountains

Abstract. The article deals with the question about the place of Islam in the space of the Altai Mountains. Muslims visited this territory with the caravans coming from Central Asia or the Volga region. But Altai tribes were not interested in their religion, since archaic beliefs were strong. Besides, there were Manichean cloisters, representing powerful religious direction. The entry of this territory into the “zone of Islam” is connected both with political changes of a continental nature – the disappearance of the Dzungar Khanate, the confrontation between China and Russia, and the fate of the nomads – Altai and Kazakhs. The latter (who, having migrated to these lands, began to consider it “Ata Zhurt”) were precisely the bearers of Islam, but with a “tinge” of the old archaic worldview. In addition, some Kazakhs converted to Orthodoxy, preserving their native language and culture. The author believes, that centuries later these features turned out to be a powerful anti-radical potential.

Key words: Altai and Gorny Islam, nomadic Kazakhs, state politicians

Горный Алтай исследовался достаточно большим числом историков, лингвистов, этнографов¹, но история функционирования ислама на этой территории требует отдельного рассмотрения. К тому же Саяно-Алтай интересен тем, что его считают не только местом встречи буддизма, христианства и ислама, но и прародиной многих современных тюркских этносов. Но именно эти обстоятельства дают возможность рассмотреть несколько проблем регионального и континентального характера.

В силу отдалённости и сложности управления административное подчинение территории и её наименования постоянно изменялись². Мало заселённый исповедующими шаманизм алтайскими племенами край был лишь «ясачной территорией» Джунгарского ханства, в состав которого входили и кочующие тюрки Восточного Туркестана – мусульмане, именуемые Г.Б. Эшматовой катонами (хотонами? – А.Я.). Согласно указу хана Галдана Бошокту они могли решать внутренние вопросы на основе шариата, а сами признавались родственными и союзными ойратам. Ещё в конце XVII в., якобы, катоны появились на Алтае, а в 1756 г. их зайсан Кутук (Кутайгалимов / Кутайгулин) принял российское подданство. У канского зайсана Омбо также были катоны, а его представители – А. Хантулин и бухарец мулла Т. Абре(а)имов – посещали Чакырскую крепость (на Колывано-Воскресенской военной линии), где было заявлено: «С общего подчинённых его урянхайцев и бухарцов³ согласия, просил Омбо принять его с подчинёнными ему людьми, которых <...> посемейно более пятисот человек <...> в подданство Ея Императорского Величества, в которое <...> он, вступя, <...> подати всякие платить желает» [Модоров, 2016]. С падением Джунгарского ханства и вхождением в состав Российской империи (1757) катоны Горного Алтая, как считала Г.Б. Эшматова, «отошли от ислама» [Эшматова, 2014, 371], но их потомки сохранили самоназвание катон-кыпчак [Религиозные, 2009, 39].

Между тем левобережье р. Чуя привлекло в тот период истории страдающие из-за истощения прежних пастбищ кочевые племена найманов, керейтов, уаков, исповедовавшие ислам с немалым оттенком архаичных верований (в этом была специфика бытования). С демаркацией границ между Россией и Цинской империей они оказались разделёнными (хотя и продолжали мигрировать через границу вплоть до 1929 г.). Так образовалась здесь основная группа носителей адатного ислама – кош-агачские казахи [Мукаева, 2002, 64].

Постоянно изменялись размеры их местных пастбищ, маршруты кочёвок, что вызывало недовольство алтайцев, а в требовании о выселении казахов присутствовало указание на их мусульманскую принадлежность [Калшабаева, 2016, 130–137]. Жаловались на мусульман и русские, в т.ч. миссионеры Чёрно-Ануйского отделения Алтайской православной духовной миссии (АПДМ), стремившиеся христианизировать жителей [Шершенёва, 2010, 266].

Заметим: «Правила заселения Горного Алтая» (1879) вообще предусматривали заселение этого региона православными. Отчасти это удалось миссионерам сделать – в метисированной группе туратинских (крещёных) казахов⁴, в бытовом поведении которых сложился интересный симбиоз православных, мусульманских и «языческих» традиций.

В 1881 г. среди 1937 жителей селений Чёрно-Ануйского стана насчитывалось 1389 казахов и алтайцев, а остальные были названы русскими. Но позже священник этой миссии печалился: «...некоторые из новокрещённых киргизов высказывают сильное расположение к мусульманству; соблюдают мусульманские посты и праздники, на поминках молятся по-мусульмански» [Октябрьская, 2001, 32].

Иной характер имело заселение Алтая мусульманами-кочевниками [Анисимова, 2016]. Согласно преданиям, род Абдулло Калдекеулы Сарыкалдыкова проживал в урочищах Чингистай и Арчеты. В 1865–1866 гг., когда эти места находились во владении Китая, кочевники из-за тесноты двинулись на юг, к Кобдо (Монголия), но и там не оказалось пастбищ. Поэтому в 1880 г. потянулись обратно, но родовые земли уже принадлежали России и были заняты другими кочевниками и русскими переселенцами. В 1883 г. сарыкалдыки подали прошение о принятии российского подданства. Им отвели «пустолежащие» земли Колгуты и Укока. Однако сарыкалдыки не спешили выполнять государственные решения, продолжая жить в Чуйской

степи, а количество подданных Абдулло, между тем, возросло. После выхода из-под политического влияния китайских властей и переселения на свободные земли Горного Алтая их численность составляла 77 семей (кибиток), в 1900 г. (накануне принятия российского подданства) возросла до 110, а в 1907 г. – до 150 кибиток [Калшабаева, 2016, 133]. Укрывая беглецов, приглашая соплеменников-единоверцев из Монголии и Бухтарминского края, «свободный зайсан» Абдулло увеличивал число подданных.

Хотя постоянных мечетей не было, религиозные потребности Абдулло и окружения духовно обслуживали муллы, подобные М. Турдубаеву, постоянно сопровождавшего зайсана. Эти муллы были уважаемы номадами, поскольку это не только носители знаний по шариату, но достаточно образованные люди. В этой совокупности религиозного и светского отражалась специфика бытования ислама в кочевой среде.

Ситуация усложнялась: несмотря на требования российских властей откочевать на отведённые участки, Абдулло продолжал контролировать районы, прилегавшие к торговому тракту из Кош-Агача в Кобдо. Постепенно влияние зайсана распространилось на всю 50-верстную приграничную полосу, где действовал принцип беспошлинной торговли, что «напрягало» администрацию. Более того, Абдулло добивался включения сарыкалдыков в официальные госструктуры, подавал прошения об административном устройстве подданных с выделением их в самостоятельную волость (с предоставлением ему печати и статуса волостного старшины или родового старосты).

Уездное и губернское руководство считало создание волости в целом целесообразным, но не хотело признавать власть Абдулло, опасаясь его политического усиления и влияния на крещёных его соплеменников. В 1908 г. на имя уездного исправника поступило ходатайство пристава 5-го стана Бийского уезда о тюремном заключении и высылке в Нарымский край «политически неблагонадёжного зайсана». Далее его следы теряются, а конфликты из-за пастбищ власти постарались уладить в 1908 г. с разделением участков по берегам р. Чуя между казахами и телеутами, и в 1913 г., когда учредили две Казахские волости [Сословно-правовое, 1999, 90].

Ситуация для властей усложнилась, когда (в начале XX в.) с ослаблением влияния РПЦ некоторые туратинские казахи вернулись не только к родовым фамилиям, но и к религии предков. Покинув Чёрный Ануй, «беглецы от православия» основали рядом село Турата. Там же была устроена мечеть, а верующих духовно окормлял прибывший из Степи мулла [Шершнёва, 2012, 216].

Часть причин разразившегося в 1916 г. восстания⁵, коснувшегося и Горного Алтая – ограничения в правах, неразумная фискальная, аграрная и социальная политика центральной и региональных властей, злоупотребления элит [Сактаганова, 2016, 87–92]. Но повлиять и призывы исламских радикалов, разжигавших антигосударственные и русофобские настроения. Опасаясь притеснений, эмигрировали в Монголию и Китай 50 тыс. алтайских казахов (не принимавших участия в боевых действиях) [Шиловский, 2014, 19].

Гражданская война отразилась на жизни мусульман, как и всего региона. Так, в Кош-Агачской волости с апреля 1920 г. по осень 1921 г. действовали законы военного времени. Это было связано не только с пограничными конфликтами, но и с новой волной эмиграции (откочевало больше 200, а остался 91 аил) казахов, чья элита боялась социально-правового и имущественного притеснения, а вместе с массами – утраты этноконфессиональной самобытности. В 1924 г. ещё 90 казахских семей выехало в Казахстан. Заметим, что изменение местопребывания и трансграничные перекочёвки – тенденции и последующих лет. Оставшиеся на территории СССР казахи Горного Алтая испытывали, как и все, влияние общесоветских норм и установок. Спротивление советизации в Кош-Агачском аймаке проявилось в том, что в 1926–1927 гг. муллы «внушали» родителям: проучившиеся дети будут «отправлены в солдаты» [Дашковский, 2018, 87].

В тот период закрыли единственную в регионе туратинскую мечеть, а по ложным обвинениям было осуждено более 50 активных верующих и мулл, в т. ч. М. Битуганов, К. Джертнасов, Б. Смагулов и др. Г.Б. Эшматова, между тем, называет

имена 11 служителей культа (очевидно, не только «первых лет советской власти») [Эшматова, 2018, 92].

Военное время для мусульман Горного Алтая протекало таким же образом, как и для представителей иных мировоззренческих традиций. А религиозное происхождение не отразилось на патриотизме оставшихся в тылу или героизме воевавших на фронте, где, например, Героями Советского Союза стали К.А. Туганбаев и Ж.А. Елеусов.

Послевоенный период характеризовался сохранением симбиоза духовных традиций среди туратинских казахов, частью вернувшихся к религии предков. В результате, наряду с погребением по шариату отмечены и похороны в гробу. Параллельно с Курбан-байрамом и Ураза-байрамом иные казахи праздновали Пасху и Рождество [Кабдулвахитов, <http://www.islamnews.ru/news-122181.html>].

Постепенно численность казахского населения в Горном Алтае росла: 1959 г. – 4,7 тыс. чел. (сельчан – 4,5); 1970 г. – 7,2 (6,9); 1979 г. – 8,7 (8,2); 1989 г. – 10,7 (9,9). Все эти годы жизнь верующих была скрытой, отражаясь лишь в бытовой религиозности, манифестируясь лишь на кладбищах. Там, уважая традиции, даже коммунистов хоронили по шариату.

Поскольку и в конце 1980-х гг. сельские жители преобладали (73%), это позволило относительно свободно проявлять принадлежность к исламу. К тому же в Казахстане (полагаем, по политическим причинам) отношение к исламу было более терпимым. Оттуда приезжали «бродячие муллы», а в соседнюю республику отправлялись для почитания «священных» мест и посещения мечетей, которых на Алтае не было.

Новая эмиграция казахов пришлась на 1990-е гг. И связана она с развалом СССР, обретением Казахстаном суверенитета, возрождением этнического и религиозного самосознания. Это внушало мечты и надежды. Однако впоследствии, разочаровавшись, алтайские казахи частью вернулись на родину, но общие знания по исламу существенно расширили. В Горном Алтае стала существенно увеличиваться умма, отчасти «заражённая» радикальными идеями, привезёнными или полученными из присланной литературы.

Примечательно, как нигде во всём пространстве Азиатской части Российской Федерации, участие прежних советских деятелей и организаций в жизни приходов. Причины этого явления лежат, полагаем за пределами обычных в таких ситуациях объяснений. Так, бывший комсорг А.Д. Кобдабаев стал первым имамом в Республике Алтай, возглавив зарегистрированную в 1993 г. общину в селе Жана-Аул. Там же из жилого дома устроен молитвенный дом. Строительство новой мечети – «Мекка» с двумя минаретами и куполом осуществлялось на средства колхоза имени Калинина и пожертвования жителей. Она была закончена в 1996 г., став приметной деталью нового культурного ландшафта региона.

К 1993 г. (времени регистрации в Горно-Алтайске «Общины мусульман Республики Алтай») имелось несколько мечетей и молельных домов в самом заселённом мусульманами (по происхождению, но не все – по убеждению) Кош-Агачском районе. Между тем целыми автобусами приезжали учиться в новосибирское медресе уроженцы республики. Обучались юноши также в Египте, Казахстане, Монголии, Турции. На их же родине шла работа по обустройству «священных» мест, что поддерживалось стариками, но вызывало возмущение исламистов.

Во второй половине 1990-х гг. мечети были построены в других населённых пунктах, где компактно проживали казахи. Более того, при мечети села Кош-Агач было устроено медресе. Приходы действовали как филиалы организации (зарегистрированной в селе Жана-Аул) до создания ДУМ АЧР (1999). Затем самостоятельные организации стали создаваться при всех мечетях и молитвенных домах: сёл Кош-Агач, Тобелер, Теленгит-Сортогой, Беляши (Джазатор), Ташанта, и регистрироваться в составе ДУМ АЧР [Айташев, 2001].

Община столицы республики создана в 1999 г. и получила регистрацию в 2000 г. Она объединяет представителей разных этносов, в т. ч. неофитов из русских и алтайцев. Так, ещё в 1997 г. о принятии ислама заявил лидер Союза тюркской молодёжи Алтая А. Айташев – алтаец по происхождению. Между тем, как и ранее, «костяк» общин по-прежнему составляют казахи.

В 2010 г. в республике проживало 12 524 казаха, составлявших 6,2 % населения, но не все из них – активно практикующие мусульмане. В том году главой общины Горно-Алтайска стал Ж. Охтаубаев, который заявил об учреждении ДУМ Республики Алтай, а в Турате образовалась группа во главе с имамом Ж. Туяковым. Культовые здания возникли в Улаганском и Усть-Канском районах, а общины при них действовали от ДУМ АЧР как религиозные группы.

Примечательно, что в селе Турата 25.10.2012 г. – накануне Курбан-байрама – состоялось открытие мечети, носящей имена двух земляков – Героев Советского Союза К.А. Туганбаева и Ж.А. Елеусова. В 2013 г. в столице закончено строительство комплекса с мечетью имени З.О. Зианурова и медресе, а всего в республике зарегистрировано в том году семь организаций. Строится мечеть и в бывшем центре Алтайской духовной миссии – селе Чёрный Ануй [В центре, 2015].

В силу разных причин умма развивается нестабильно: республика стала одним из центров деятельности запрещённых в России организаций «Таблиги Джамаат» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и других, местные члены которых понесли наказание в соответствии с законом. Между тем большинство мусульман Горного Алтая отвергает радикальные взгляды, призывая «заблудших» единоверцев к заповеданному Аллахом терпению и мирному сосуществованию [Ярков, 2014].

История ислама в Горном Алтае отличается от других регионов Сибири. Но современная её судьба зависит от самих верующих, где деление на традиционалистов и радикалов может привести к серьёзному противостоянию, если не начнётся диалог между этими группами; всеми верующими, другими частями местного сообщества и властью.

Библиографический список

1. Айташев, А. Ислам возвращается на Алтай / А. Айташев // Мусульмане Сибири. – 2001. – 14 (15) апр.
2. Анисимова, И.В. Проблема землеустройства казахов-кочевников в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в.: проекты и результаты / И.В. Анисимова // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии: мат. Междунар. науч. конф. – Барнаул, 2016. – С. 19–24.
3. В центре Алтайской духовной миссии откроется мечеть // Напоминание. – 2015. – Ноябрь.
4. Дашковский, П.К. Этнорелигиозный аспект развития образования на Алтае в 20-е гг. XX в. / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнёва // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. – 2018. – № 1 (14).
5. Кабдулвахитов, К. Крещёные киргиз-казаки Алтая оказались на поверку мусульманами / К. Кабдулвахитов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru/news-122181.html> (дата обращения 07.04.2019).
6. Калшабаева, Б.К. Из истории переселения казахов в Горный Алтай / Б.К. Калшабаева, А.К. Бейсегулова, Е.К. Рахимов // Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко. – Омск; Павлодар, 2016.
7. Модоров, Н. «Просим защитить от злого времени» / Н. Модоров // Звезда Алтая. – 2016. – 5 мая.
8. Мукаева, Л.Н. Народная колонизация Горного Алтая в XIX веке в контексте государственной политики / Л.Н. Мукаева // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. – Ч. 1. – Омск, 2002.
9. Октябрьская, И.В. Нечипоренко О.В. Турагинские казахи. Судьбы национальных меньшинств России / И.В. Октябрьская, Л.П. Осипова // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2001. – Вып. 4. – С. 29–34.
10. Сактаганова, З.Г. К вопросу о причинах национально-освободительного движения казахов 1916 года / З.Г. Сактаганова // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Козыбаевские чтения-2016»: современные тенденции культурно-цивилизационных процессов Евразии, посв. 85-летию М.К. Козыбаева. – Петропавловск, 2016. – Ч. 1. – С. 87–92.
11. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.): Сборник правовых актов и документов / Редактор-составитель А.Ю. Конев. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – 238 с.

12. Шершнёва, Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской Православной Церковью в XVI–XIX вв. на Алтае / Е.А. Шершнёва // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
13. Шершнёва, Е.А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири / Е.А. Шершнёва // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф., посв. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2012. – С. 212–218.
14. Шиловский, М.В. Реквизиция «инородцев» Сибири на тыловые работы в 1916 году / М.В. Шиловский // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. ст. по мат. Междунар. науч. конф. – Пермь, 2014. – С. 18–24.
15. Эшматова, Г.Б. Возникновение исламских общин в Республике Алтай в конце XX – начале XXI в. / Г.Б. Эшматова // Религия в истории народов России и Центральной Азии: Мат. II Междунар. науч. конф. – Барнаул, 2014. – С. 91–94.
16. Эшматова, Г.Б. Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти / Г.Б. Эшматова // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 2 (15).
17. Ярков, А.П. Особенности исповедания ислама казаками Горного Алтая / А.П. Ярков // Орталық Азияның қазақ диаспорасы: тарих – мәдениет – ескерткіштер: мат. Междунар. науч. конф. – Алматы, 2014. – С. 385–388.

Текст поступил в редакцию 15.01.2019.

¹ Часть этих работ и их авторов названа в тексте.

² Только за XX в. менялись именованья: в 1920 г. Каракорумский уезд преобразован в Горно-Алтайский. С 1922 г. это Ойратская АО (в этом качестве с 1937 г., а с 1948 г. как Горно-Алтайская АО) – в составе Алтайского края. Некоторое время (в 1925–1930 гг.) территория непосредственно подчинялась Сибкрайисполкому. С 1991 г. это уже самостоятельная Горно-Алтайская ССР, а с 1992 г. – Республика Алтай).

³ В данном случае, полагаем, в трактовке «окраинные жители Восточной Бухарь».

⁴ Проживают в селениях Турата и Чёрный Ануй (Шаргы) Усть-Канского района. В ходе крещения им даны фамилии: Коптеловы, Емельяновы, Романовские, Соколовы, Угрюмовы, Задонцевы, Кусковы, Мокины.

⁵ Имелся и повод – Поведение «О привлечении мужского инородческого населения для работ по благоустройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а также для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ».

References

1. Ajtashev A. *Musul'mane Sibiri* [Muslims of Siberia]. April 14, 2001 (in Russian).
2. Anisimova I.V. *Etnokul'turnye i ehtnosotsial'nye protsessy v transgranichnom prostranstve Rossii i Tsentral'noj Azii: mat. Mezhdunar. nauch. konf* [Ethnocultural and Ethnosocial Processes in Cross-Border Space of Russia and Central Asia. Proc. of International Science Conference]. Barnaul, 2016 (in Russian).
3. *Napominanie* [The Reminder]. November 2015 (in Russian).
4. Dashkovskij P.K., Shershnyova E.A. *Narody i religii Evrazii. Etnologiya. Religiovedenie. Arkheologiya* [Peoples and Religions of Eurasia. Ethnology. Religious Studies. Archeology]. 2018, no. 1 (14) (in Russian).
5. Kabdulvakhitov K. *Kreshhenye kirgiz-kazaki Altaya okazalis' na poverku musul'manami* [The Baptized Kyrgyz Cossacks of the Altai Turned Out Muslims]. Available at: <http://www.islamnews.ru/news-122181.html> (in Russian).
6. Kalshabaeva B.K., Bejsegulova A.K., Rakhimov E.K. *Kazakhi Evrazii: istoriya i kul'tura: sb. nauch. tr.* [Cossacks of Eurasia: History and Culture: Collection of Papers]. Eds. N.A. Tomilov, S.K. Akhmetova, A.A. Pina, I.V. Tolpeko. Omsk: Pavlodar Publ., 2016 (in Russian).
7. Modorov N. *Zvezda Altaya* [The Altai Star]. May 5, 2016 (in Russian).
8. Mukaeva L.N. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr.* [Siberian Village: History, Current state, Prospects of Development: Collection of Papers]. Omsk, 2002, part 1 (in Russian).
9. *Oktjabr'skaya I.V., Osipova L.P., Nechiporenko O.V. Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: mat. nauch.-prakt. konf.* [Ethnography of the Altai and Adjacent Territories: Proc. of Science and Practice Conference]. Barnaul, 2001, vol. 4, pp. 29–34 (in Russian).
10. Saktaganova Z.G. *Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Kozybaevskie chteniya-2016": sovremennye tendentsii kul'turno-tsivilizatsionnykh protsessov Evrazii, posv. 85-letiyu M.K. Kozybaeva* [Proc. of International Science and Practice Conference "Kozybayev Readings-2016": Current Trends of Cultural and Civilization Processes in Eurasia, Dedicated to M.K. Kozybayev's 85 Anniversary]. Petropavlovsk, 2016, part 1, pp. 87–92 (in Russian).

11. *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustrojstvo korennykh narodov Severo-Zapadnoj Sibiri (konets XVI–XX v.): sb. pravovykh aktov i dokum* [Class and Legal Status and Administrative Arrangement of the Indigenous Peoples of Northwest Siberia (the End of the 16th – the Beginning of the 20th Century): Collection of Legal Acts and Documents]. Tyumen, 1999 (in Russian).
12. Shershnyova E.A. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Tsentral'noj Azii v istoricheskoy retrospektive: sb. st.* [Outlook of the Population of Southern Siberia and Central Asia in a Historical Retrospective: Collection of Papers]. Barnaul, 2010, vol. IV (in Russian).
13. Shershnyova E.A. *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noj Azii: mat. Vseros. s mezhdunar. uchastiem konf., posv. 10-letiyu kafedry religiovedeniya i teologii AltGU* [Religion in the History of the Peoples of Russia and Central Asia: Proc. of All Russia Conference with International Bcepoc. with Participation Dedicated to the 10th Anniversary of the Department of Religious Studies and Theology of AltSU]. Barnaul, 2012, p. 216 (in Russian).
14. Shilovskij M.V. *Pervaya mirovaya vojna i natsional'nyj vopros: sb. st. po mat. Mezhdunar. nauch. konf.* [World War I and Ethnic Question: Proc. of International Science Conference]. Perm, 2014, pp. 18–24 (in Russian).
15. Eashmatova G.B. *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noj Azii: mat. II Mezhdunar. nauch. konf.* [Religion in the History of the Peoples of Russia and Central Asia: Proc. of the 2nd International Science Conference]. Barnaul, 2014 (in Russian).
16. Eashmatova G.B. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia]. 2018, no. 2 (15) (in Russian).
17. Yarkov A.P. *Kazakh Diaspora in Central Asia: History – Culture – Monuments: Proc. of International Science Conference* [Ortalyқ Aziyanuң қазақ diasporasy: tarikh – мәдениет – eskerkishter: mat. Mezhdunar. nauch. konf.]. Almaty, 2014.

Submitted for publication on January 15, 2019.